

© Алексей Павлов «Ревность Небес»

(Рассказ из одноименного сборника)

ISBN 978-5-9907646-9-9

Издательство фонда «Сталинград»

Москва 2016

Оглавление

Вступительная часть	01
Основная часть	04
Заключительная часть	21

Ревность Небес

Вступительная часть

Дорогой читатель! На сегодняшний день, январь две тысячи шестнадцатого года, уже пять лет как я пишу книги: романы, повести, рассказы, новеллы. Или только пять лет. И все это время мне хотелось повторять главное: я не писатель, это всего лишь хобби, средство высказаться, поделиться мыслями, чувствами, переживаниями и наблюдениями. Наблюдениями за самой

жизнью и ее течением в обществе, в мире людей, в котором, к нашей горести, миром и покоем далеко не всегда веет. Но порой в голове, а правильнее сказать, в душе рождаются иные сюжеты, образы, картины действительности, реальности и... нереальности. Хотя, кто знает, нереальное вдруг легко окажется явью, которая попросту недоступна человеческому восприятию. Ведь мир, весь, один огромный бесконечный, как во времени, так и в пространстве, явно не может заканчиваться на тех гранях и моментах, что мы видим, слышим, ощущаем и даже чувствуем. И вот как раз последний дар человека – чувствовать больше, чем видишь или слышишь, имеет невообразимые глубины, где грань реальностей либо не видна человеку, либо вовсе смыта.

Можно сочинить самые разнообразные сюжетные линии: захватывающие, острые, с неожиданными поворотами и непредсказуемыми развязками, и это всё будет достойно внимания аудитории. Или недостойно, что уже решит сама аудитория. И такое литературное увлечение действительно с легкостью можно назвать хобби, очень занятным, можно сказать, прекрасным. А почему бы и нет?

Но время от времени в душе рождается другая картина, насквозь пронизанная иными нитями воображения. Картина единая, пусть даже ее изложение и занимает некоторое время. В отдельных работах я с этим уже соприкоснулся. В такие моменты, как данный, пропадает все: сон, желание делать что-либо еще, всякая охота уходить в сторону повседневной деловой активности, даже думать о чем-то ином, нежели о саморожденном и увиденном внутри собственного сознания. Это происходит в те периоды, когда, казалось бы, все, что хотел сказать, уже сказал, а что в перспективе – немного может подождать. Но в определенный миг больше нет сил отталкивать то, что не дает продолжиться обычному течению жизни. Напротив, все мощнее разгорается желание поскорее перенести ощущаемое в плоскость двумерного пространства, проще говоря, на бумагу, посредством чего любому желающему откроется эта

картина уже в пространстве безграничном, причем несколько отличном от авторского, в своем собственном пространстве восприятий.

И данная ситуация – не примитивный пиар: какие мы одаренные и как нам сверху спускается что-то невероятное. Нет, вовсе не так. Подобные сюжеты – не лучший выбор для такого, вполне, кстати, нормального явления современной деловой жизни, как пиар. Но именно на них вы не можете сказать, что это всего лишь хобби. Напротив, как раз в такие минуты и часы больше всего появляется желание произнести следующие слова:

– Дорогой ты человек, сильный или слабый, хороший или негодяй! Может, ты мой современник, как я сейчас, январским днем две тысячи шестнадцатого года, занят делами, а может, далекий потомок, который будет даже не читать, а посредством этих строк слышать меня годы, десятилетия, столетия спустя. Я не хочу говорить, что через пару часов чуть ниже появится нечто такое, что станет достойным прожить века и будет тобой – простите, вами – открыто где-то в веке двадцать третьем или пятом. Но, как бы то ни выглядело сейчас нескромно, в судьбу этого рассказа я верю. Потому что картина, которая не дала мне покоя нынешней ночью, признаюсь, до сей поры меня откровенно трясет и волнует на пределе возможного. Эта картина, которую мне осталось только записать, живая и вечная. Ее подобие тысячи раз всплывало в необъятном прошлом и еще бесконечное количество раз всплывет в невообразимом будущем. А в настоящем ее герои продемонстрируют нам чудеса стойкости там, где зачастую мы, разбитые и подавленные, в лучшем случае продолжаем плыть по течению с опущенными руками и свешенной головой. И пусть даже есть причины почему. Заодно и сама жизнь общества в очередной раз обнажит один из главных своих механизмов – ревность, которая, к сожалению, по большей части в нашем сознании носит оттенок некой отрицательности. Несправедливый оттенок, если мы к нему внимательнее присмотримся. На мой взгляд, такой величайший механизм, как

ревность – самый что ни на есть правильный и необходимый, едва заметно и, вполне возможно, выходящий за неведомые границы живого, невидимого, но явного.

А как на ваш взгляд, уважаемый читатель, а точнее, мой собеседник оттуда, где-нибудь из века тридцатого, к примеру? Надеюсь, я не очень далеко заглянул? Если найдете немного времени и окажете честь, окунетесь в ту короткую зарисовку, которую я создам прямо сейчас, можно сказать, при вас, согласитесь ли вы со мной? Мне будет крайне любопытно узнать ваше мнение.

Итак:

Ревность Небес

Мне кажется, если случится невероятное и 8 число в марте вдруг исчезнет, больше всего огорчимся именно мы, мужчины. Почему? Да потому, что это не просто дата, когда кавалеры поздравляют дам – близких, знакомых или не слишком. Мы в этот чудный день преклоняемся перед матерью, по-особому любим свою вторую половину – супругу, очарованы дочерью, учтивы с сестрами. Конечно, неплохо бы так поступать весь год, но коли уж не получается, что ж греха таить, тогда пусть международный женский день 8 Марта хоть как-то уравнивает этот дисбаланс. Или пытаются уравновесить хотя бы частично.

В году текущем, не важно в каком точно, где-то в первой четверти века двадцать первого, весна выдалась как никогда ранняя. Ветерок еще бодрил душу, немного даже чересчур, но ласковое солнышко весело играло лучами, будто истосковалось по такому занятию как минимум последние лет десять, что и восполняло.

Но 8 Марта – это еще не только праздник и возможность наговорить комплиментов на год вперед. Никуда не деться, в

нашей жизни всегда будут присутствовать стороны чисто деловые, в том числе и финансовые. Подарки к этому дню присматриваются заранее и приобретаются накануне. А в сам день, конечно же, цветы! Цветы для наших женщин! Море цветов! Океаны! И по всему миру! Великолепная картина! Всегда бы мир выглядел местом, где мужчины чего-то добиваются, а после несут любимым женщинам цветы, а не берутся за оружие!

Сказка в жизни случается. Но только, как говорят киношники, в виде короткого метра. Порой слишком короткого, к несчастью. Сама же жизнь всегда полна прочих неожиданностей. Самых разных и непредсказуемых.

...

Широкий столичный проспект весь в солнечных лучах и весенних таяньях, каплях и ручьях. Несутся туда-сюда автомобили, дорогие и не слишком, по тротуару идут пешеходы – у всех праздничное настроение. Недалеко от остановки общественного транспорта, метрах в тридцати от дороги, красуется новенький цветочный павильон. Стекланный, сияющий, окна вверху закругляются и плавно переходят в крышу. С правого торца, если стоять к павильону лицом, входная дверь. Она прикрыта: как ни крутите, а пока еще начало марта. Это только в высоком чистом синем небе веселится солнце, а здесь, внизу, над землей, гуляют недовольные холодные ветра в порывах.

Так как еще самое утро, позднее для рабочего дня и слишком раннее для выходного и праздничного, хозяйка цветочного павильона только сейчас пришла на работу. В такие дни она выходила сама лично. Ее настроение тоже великолепно! Еще бы, помимо того, что она имеет непосредственное отношение к празднику прекрасной половины человечества, сегодня ее ждет и приличная выручка.

Не желая ее обижать в такой день, тем не менее отметим, что женщина она еще молодая, но вот привлекательность свою немного растеряла в извечной борьбе с суровыми реальностями. Это теперь у нее свой бизнес в проходном месте в центральном округе столицы, а еще недавно она мерзла на улице, работая продавцом на дешевой цветочной точке. Годами работала. Годами мерзла. И всякий год ждала 8 Марта как день не только праздничный, но и прибыльный, даже для простого продавца.

Сейчас же Роза, ее звали Розой – случайное совпадение или знак судьбы, кто как из близких трактовал, – уже неплохо зарабатывала и заработала, но и заплатить за это успела тоже неплохо. В ее тридцать пять от привлекательной фигурки последний след растаял со скоростью сосулек в весенний ясный день. Дорогая косметика не справлялась с результатом обморожений и обветренностей на лице и, как следствие, с глубокими морщинами, чему еще более способствовал постоянный табачный дым. С руками тоже вышло не ах. А самое главное – взгляд. Роза смотрела глазами жадными, четко отражавшими цинизм мировоззрения, и этому была причина. Когда муж запил и бросил ее, или она сама его выгнала, оставшись с младенцем на руках – ох, как же это всё старо и надоело, но явно не кончится никогда, – Роза, стиснув зубы, выстояла. Выстояла, когда не на что было жить, когда нечего было есть, и даже тогда, когда еды оставалось только на ужин ребенку. Роза никогда не унывала, про таких порой говорят... – Нет, в горящую избу входят другие, более королевских кровей, а она – гром-баба!

Каждому посетителю Роза улыбалась на миллион, но все копейками, а провожая взглядом, бранила на чем свет стоит, особенно если это завидный мужчина:

– Ах, паршивец! Своей ненаглядной букетик понес! Ну, ничего, главное, денежки мне оставил!

Роза не обладала тем рождаемым ревностью гонором, который толкает мир вперед: мысль, что у кого-то уже есть желаемое нами, заставляет создавать не хуже, как минимум. Но это не про Розу. Хозяйка цветочного павильона обладала завистью. Самой что ни на есть отменной завистью, пусть не черной, но явно и не белой. Скорее мутной, в мути которой она сама давно запуталась, о чем даже не подозревала.

Но при всем при этом, Роза не была злой или уж тем более подлой. Жесткой, циничной – да, но и не более. Скорее она и подобные ей – продукт времени и, выражаясь языком новостных заголовков, результат сложной экономической ситуации.

...

Остановилась у края проезжей части машина, и суетливый мужичок забежал в цветочный павильон, быстренько выбрал букетик для ненаглядной, спешно подсчитывая так, чтобы и на спиртное осталось. Затем, схватив цветы, на радостях убежал, в дверях уже для галочки бросив:

– Вас тоже с праздником, женщина! – и хлопнула входная дверь.

Провожая его сердитым взглядом сквозь стеклянный фасад, Роза, убирая только что первые вырученные деньги, пренебрежительно произнесла:

– Давай, цветочки в зубы и бегом отсюда! Нашел женщину! Еще бы старухой назвал! Эх, жаль я ему цену не вломила! Все равно бы купил!

Рабоче-праздничный день шел дальше своим чередом: останавливались машины, забегали пешеходы, все выбирали букеты и их оформления, расплачивались и выметались прочь с довольными лицами. Роза продолжала прятать деньги в боковой карман фартука, крупные купюры в карман поглубже. В ее голове уже работал безостановочный подсчет предполагаемой выручки.

– Да, в этом году я побольше сниму! – вслух констатировала Роза довольным и чуть хрипловатым голосом, но тут же заметила: – Хотя и цены поднялись – не горюй! Эх, правители! Мы зарабатываем, а нас грабят! Так, улыбаемся, следующий жених бежит! Прикид ничего, ценники можно слегка и приподнять. Хорошо я их сегодня совсем попрятала.

Вошедший посетитель сразу же обежал всё взглядом.

– Берите, уважаемый! Самые свежие цветочки только здесь!

– Да-да, я сейчас выберу!

– Не спешите, у нас времени хватает! – во весь рот улыбалась Роза. Лучше бы не улыбалась – будь посетитель чуть более внимателен либо чуть менее затравлен праздничной беготнёй, мог бы и сам убежать.

«Давай, хватай веник, плати и выметайся побыстрее, а то следующие идут!» – плыли мысли Розы, когда она сквозь стекло увидела, как важное семейство в составе приличного пальто, дорогой шубки и двух единиц потомства степенно приближается к ее павильону.

– Добрый день! – еще сильнее расплылась в адрес входящих господ Роза, чувствуя, как купюры даже через одежду все сильнее волнуют ее коммерческую душу.

Вскоре в цветочном павильоне, который был достаточно просторным, стало тесновато. Некоторые, особо придирчивые покупатели, не только выбирали цветы, еще они их высматривали, вынюхивали, чуть ли не вылизывали, желая найти хоть на йоту брака. Натура такая! И Роза костерила их на чем свет стоит, благо про себя: «Что тарацишься-то, худосочная? Гвоздика самая что ни на есть! Стройная, не тебе чета!.. А ты что, хмырь столетний, там высматриваешь? Может, цветочки пора уже и для другого случая припасать?..»

Но внешне Роза оставалась приветливой, всем улыбалась, на шутки реагировала громким хохотом. Подлинная коммерсантка из сферы малого бизнеса! Никогда не пропадет!

Однако вся эта празднично-торговая картина неожиданно нарушилась появлением двух мужчин, ярко выделяющихся среди остальных покупателей. Они вошли молча, остановились на входе, их взгляды были цепкими и в то же время немного странными. Но не настолько, чтобы слишком привлечь всеобщее внимание. Другое дело – глаз отменного торгаша со стажем. Роза сразу оценила, что господа солидные, несмотря на то, что одному было где-то за тридцать, а вот второму примерно двенадцать-тринадцать. Но оба мужчины серьезные.

Роза бросила взгляд в окно и заметила, что неподалеку от ее павильона правым боком припаркован элегантный черный мерседес. Чистый и сияющий, как и полагается уважаемым господам, тем более в такой день.

«Так, граждане, расходились бы вы побыстрее! – вновь своим чередом бежали мысли Розы. – Тут публика солидная явилась, не вам под стать!»

– Давайте-давайте, мужчина! – торопила она последнего покупателя, спешно заворачивая тому букет. – С вас...

– Возьмите, пожалуйста! – протянул тот деньги.

– Вот сдача! – отвечала Роза, протягивая цветы, добавляя про себя: «Можно и без пожалуйста! От прилавка отвали побыстрее, пока господа не ушли!»

– Милочка, нельзя ли?.. – чего-то еще хотел попросить покупатель, но...

– Нельзя, уважаемый! Ленты кончились!

– Я не...

– И та красивая обертка тоже! Проходите, пожалуйста, молодые люди!

Покупатель выдохнул, взял букет и с другими выходящими посетителями направился к двери, так же, как и остальные, бросая любопытный взгляд в сторону строгих гостей, пока еще стоящих чуть поодаль от прилавка.

Гости приблизились, только когда остались наедине с продавщицей. Что-то странное ощущалось в их присутствии и настроении. Непривычное. С одной стороны, они были с иголки одеты и по виду строги, а с другой, не настолько, чтобы это выглядело неестественно вычурно.

Старший, явно отец, был в темно-синих джинсах, празднично-белой рубашке и стильно подобранном пиджаке. Без верхней одежды, которая осталась в машине. Его вид поначалу особенно привлек внимание Розы. Еще бы, такой завидный мужик! Рост выше среднего, крепкий, темные волосы, широкие скулы лица – явно лидер по жизни – и взгляд. Цепкий, пронизывающий и совершенно не отталкивающий. По этому взгляду Роза многое могла оценить.

«Ух ты, красавчик-то какой! Самец! Богатенький! Немало своего зубами вырвал, сразу видно! Да-а, что же нам-то такие не перепадает? Везет же некоторым! Вон, колечко обручальное как сияет на пальчике! А лапа будь здоров! Приложится – не встанешь! Эх, мужик, видел бы ты меня пораньше, я тоже была ничего! И почему была? – Роза, продолжая неестественно улыбаться, еще более неестественно стала прихорашиваться, поправляя прическу. – Но нет, я не твоего поля ягода, видимо. Твоя королева тебя дома поджидает. С богатыми подарками и роскошными розами. Ну да ладно. Плати, будут тебе цветы! Самые лучшие! Извини, ценник только двойной. Именно для таких, как ты! И от тебя не убудет, и нам какая-никакая, а компенсация».

Оценив с ног до кошелька посетителя старшего, Роза бросила взгляд на младшего, понимая, что тот заслуживает не меньшего внимания.

Этот юноша, по возрасту еще ребенок, а по взгляду совершенно взрослый человек, был не похож ни на кого: ни на отутюженных чад папаш-мамаш богатейчиков, ни на прочее звездное потомство, по которым непонятно, где больше природа отдохнула: на них или же сначала на их родителей. Этот юноша, одетый в темный костюм и также в белой рубашке, с аккуратно зачесанным назад волосом, как у взрослого мужчины, смотрел не просто цепким взором ярких карих глаз, в них читался немалый интеллект. Даже рядом с таким отцом он сам выглядел личностью, гордой и смышленной.

«Да, мужичок! – не без мутной зависти размышляла Роза, вновь переводя внимание на старшего. – И отпрыск твой что надо! Не то что мой оболтус! Одет-то он у тебя дорого, да видно, и цену всему уже знает. С таким-то папашей и мой бы стал человеком, а не таскался по подворотням с местной шпаной, пока мать деньги зарабатывает! Эх, увести бы тебя по-тихому, да вряд ли выйдет. Да, повезло кому-то! Сидит себе, небось, красотка модельная сейчас дома, в богатой квартирке и думает, как краше стол уставить. Или нет, за нее думают. Прислу-уга, домработница, по-овар! Ладно, господа молодые и успешные, готовьте деньги, сейчас я вам насчитаю!»

Что-то общее было в глазах мужчины и подростка, и что-то одинаково странное. Они выглядели официально, но будто не празднично, и в то же время тоски или грусти в их взглядах не присутствовало. Оба предельно собранны, сконцентрированы, но почему? В такой-то день? И также просматривалось, что эта собранность не является сиюминутной, неожиданной, а напротив, словно они по природе такие. Старший вообще напоминал добротного породистого пса или тигра: уверенного,

сильного и спокойного, но сколько опасности и мощи таит в себе это обманчивое внешнее спокойствие и безупречная выдержка. Младший далеко от него не отходил, его глаза также излучали не только внутреннюю собранность, но и силу духа, энергию и отменную сообразительность.

«Да, юный богатейчик, – продолжала свои наблюдения Роза, пока посетители переводили взоры с одних цветов на другие, – из тебя в жизни толк выйдет, сразу видно. Такой папаша научит и зубами счастье вырывать, и соображать моментально».

Но тут внимание владелицы павильона и продавщицы в одном лице привлекли несколько коротких и очень странных реплик этих посетителей. Как ни странно, в это время никто больше не появлялся, и у Розы представилась возможность получше потешить свое любопытство.

– Ну что, сынок, какие цветы выберем?

– Розы, пап.

– Те? Самые дорогие?

– Конечно. Те тридцать семь штук.

– Там тридцать восемь, – поправил строгий отец, чем ввел продавщицу в еще большее замешательство, потому что упомянутые цветы располагались за их спинами, и в ту сторону младший бросил слишком короткий взгляд, но успел сосчитать. Но как еще более точно смог определить количество цветов отец, вообще туда не повернувшись, оставалось загадкой.

Затем Роза подумала, что, видимо, у господ такое увлечение, и они сосчитали цветы сразу, как вошли. Странно только, здесь столько букетов.

– Если я правильно поняла, – наконец она заговорила с посетителями первая, улыбаясь как можно театральнее, – вам, господа, нужны самые лучшие розочки, так?

Те одновременно кивнули, переводя взгляд на очередные букеты.

- А как тебе те, сынок? – негромко поинтересовался отец.
- Хорошие. Но там их мало, двадцать четыре.
- Согласен.

«Вашей маме их вагон нужен, что ли, я не поняла? – возмущалась про себя Роза, но вида не подавала, продолжая улыбаться уже поджидавшим ее карман деньгам. – Ну, юнец, соображалка у тебя космическая. Считаешь с одного взгляда, прямо как банковская машинка! О, я, кажется, догадалась! Ты, видимо, где-нибудь за границей учишься! Такой родитель, наверное, отправил тебя в Гарвард или в эту, как ее, Сорбонну! Сейчас у них мода такая! Вот там тебя и вышколили, сразу видно! Ну, давайте, господа, может, еще по-английски меж собой покалякаете? Я подожду, коли такой опт сразу взять желаете!»

Но господа не спешили, внимательно присматриваясь к цветам, коих выбор был действительно велик.

В этот момент по спине Розы странным образом пробежались мурашки, и она позволила себе не самую морально-нравственную мысль, после чего ее вообще чуть озноб не прошиб: «Ох, мужичок, как ты действуешь-то на меня! Платил бы побыстрее да ехал к своей королеве, сказала бы к какой, будь она сс... счаст-ли-ва!»

Наконец гости определились с цветами – разумеется, они выбрали самые лучшие розы, цена на которые тут же подскочила.

– Простите, я не ослышалась? Вам все? – на всякий случай уточнила Роза, в голове уже судорожно подсчитывая и общую сумму, и барыши.

– Да, – уверенно ответил старший.

– Да, все, – подтвердил его сын.

Благоухая и чуть ли не пританцовывая, продавщица вышла из-за прилавка и принялась складывать цветы на отдельный стол,

где букет удобнее украсить и при необходимости запаковать. Правда, букетом эту охапку роскошных роз назвать можно с натяжкой. Целая оранжерея получалась.

– Надо же! – воскликнула Роза, запыхавшись. – Думала, здесь больше будет, а и пятидесяти не набралось! Как быстро разобрали, заказывала ведь сотни три! – лукавила она. – Ну, у меня и в обычный день очередь, а сегодня-то!..

У старшего тихо зазвонил мобильный телефон, он извлек его из кармана и взглянул на номер.

«Дорогуша никак не дождется! – с сарказмом подумала Роза, тут же улавливая золотые часы на руке привлекательного мужика. – Ох ты ж, ё!.. Надо же, и вызов сбросил! Значит, другая дорогуша, с которой не с руки при малом разговаривать! Эх, кто бы меня такой лапой с золотыми часиками приласкал?»

Стол с цветами излучал неповторимый аромат и отражался праздничной красотой.

– Та-ак! – потирала руки Роза. – Как желаете упаковать? Пленочка, ленточки? Или еще чего добавить?

– Нет, спасибо, – отвечал старший, – только цветы.

– Наша мама любит только цветы, – повторил его сын.

– Ну, цветы так цветы! Ох, и обрадуется же ваша мамочка, когда вы ей этот букетище преподнесете! Такие красавцы и с такими розами, м-м!.. Итак, давайте считать, – Роза дотянулась до огромного калькулятора, – со всеми скидками таким солидным покупателям выходит...

Но тут ее внимание вновь привлекла некая неожиданность. Да и озноб по спине опять напомнил о себе. Роза даже на небо взглянула сквозь сходящиеся к потолку стекла. Но оно продолжало оставаться чистым, ясным и праздничным. «Эх, – подумала Роза, – везет же некоторым! Сейчас прямо сразу с этим

букетиком – и за стол! А тут еще стой до ночи! Ну, ничего, мы вечерком с подругой тоже нальем рюмки! За себя любимых!»

Неожиданность, которая привлекла внимание Розы, сбив ее со счета, заключалась в следующем:

– Сынок, ты стал совсем невнимательным, – строго заметил отец, – маме будет за тебя стыдно.

– Прости, пап, – отвечал сын, бросая очередной цепкий взгляд на большую охапку роз, лежащих поверх стола.

– Что-то не так, молодые люди? – спросила Роза, не понимая, о чем они.

Сын сделал шаг вперед и встал рядом со столом. Затем, к немалому удивлению Розы, взял один цветок и молча отложил его чуть в сторону.

– Молодой человек, здесь ровно сорок пять! Нечетное и очень красивое число, кстати! О-чень! – теперь открыто кокетничала она.

– Я знаю, – вдруг ответил юноша, глядя на продавца спокойно, уверенно, но пугающе.

С минуту продолжалась эта дуэль взглядов, затем Роза не выдержала и отвела взор. Теперь по всему ее телу прошелся конкретный озноб. До нее стала доходить реальность. Желание кокетства, юродства и прочих земных проявлений зависти вмиг исчезло. Она посмотрела на отца юноши, но и его взгляда выдержать не смогла.

Розу затрясло. Она в один миг позабыла о деньгах, о прибыли и ценах, которые озвучила. Она всё поняла.

– Простите... простите меня, – шептали ее губы, а искренность и небессердечность моментом всплыли из глубины торгашеской души. Но не только торгашеской. Роза была еще и матерью. И не самой плохой, стоит заметить.

«Господи, мальчишечка! – иные теперь мысли овладели ее разумом и сознанием, пока она пыталась упаковать цветы. – Да как же так-то? Такой замечательный! Такой смышленьш! И уже без мамки! Несправедливость-то какая!»

Она снова подняла глаза на мужчин, но те оставались по-прежнему невозмутимыми – как в момент появления. Ни у одного из них даже бровь не дернулась. Теперь ей стало понятно, насколько крепко они когда-то стиснули зубы и сжали кулаки. Они держались как могли, как одно целое, как единый монолит.

Роза, аккуратно стянув цветы несколькими лентами, спросила покупателей уже совершенно иным тоном:

– Может, получше как еще упаковать?

– Не нужно, – ответил отец, также приблизившись к столу и встав рядом с сыном, – спасибо, все и так хорошо.

А младший в этот момент достал из внутреннего кармана пиджака портмоне и извлек несколько крупных купюр. Отец укоризненно покосился, в глазах читался вопрос: «Откуда?»

– Гонорар, пап, – ответил сын негромко, – я закончил перевод тех сказок. Я говорил тебе.

– Да, конечно. Я забыл, сынок. Но все равно убери, я сам заплачу.

– Нет, пап! – уверенным тоном опротестовал сын. – Это моя мама!

– Хорошо, давай пополам. На остальные купишь себе новый компьютер.

Сын молчал и лишь вопросительно поглядывал на отца.

– Мама не обидится, поверь, – добавил отец. – Ты должен развиваться.

– Хорошо, давай, – согласился сын, и Роза заметила, как отчетливо и одновременно у обоих сыграли скулы.

И снова спокойные взгляды. Закрытые, собранные, сконцентрированные. Стиснутые зубы и до хруста сжатые кулаки. Казалось, если они хоть на миг расслабятся, оба здесь же замертво и рухнут.

Но они не расслабятся. И не рухнут. Ни сейчас, ни после. Никогда. Они будут жить столько, сколько предначертано судьбой, сколько будет позволено Богом. Потому что оба – и отец, и сын – знали, что от Бога им нужно только одно и главное – разрешение жить! Все остальное они сделают сами!

– Спасибо большое, – сказал малый мужичок, забирая сам всю охапку роз, – это вам! – кивнул на деньги, аккуратно положенные на стол. – Там без сдачи! С праздником вас!

– Спасибо, мой дорогой... – едва смогла вымолвить Роза.

Мальчишка, держа в руках огромный букет, за которым его самого было видно едва ли, вдруг замер. Роза поняла – шипы. Они больно впились в его руки. Но его взгляд стал еще суровее, снова проявились скулы, и он уверенно направился к выходу, крепко прижимая праздничные розы для своей мамы.

Роза даже не заметила, как вышла следом за ними. Силуэты двух сильных мужчин неспешно удалялись в сторону элегантного автомобиля. Она боком прислонилась к стене павильона, нащупала в кармане сигареты и зажигалку, закурила, скрестив руки на груди, держа дымящуюся сигарету в одной из них на уровне лица, не отрывая взора от разворачивающейся перед ней картины.

Сияющий черный мерседес стоял правым боком к приближающимся хозяевам. Старший щелкнул брелоком, замки поднялись, и он открыл заднюю дверцу. Младший аккуратно уложил цветы в салон. Закрыв дверь, он встал боком к автомобилю, лицом к отцу, смотрящему на него сверху.

Так они простояли некоторое время, пристально глядя в глаза друг другу. Затем крепко, невероятно крепко обнялись, отец склонил голову к голове сына, и еще несколько секунд не шевелились.

По лицу Розы градом катились слезы. Она пыталась курить, но давилась дымом. Кто-то хотел войти в ее павильон, но, увидев состояние продавца, решил пройти мимо, сделав вид, что ничего не заметил.

В это время мужчины стали садиться в автомобиль. Их движения вновь были слаженны и уверены. Старший, обходя машину спереди, проследовал за руль, а младший – на переднее пассажирское сиденье. И знать он не желал, со скольких лет детям можно ездить спереди! Он уже не ребенок! Слишком даже не ребенок! К сожалению, ребенок уже давно не он!

Черный сияющий мерседес ураганом сорвался с места, а Роза, сколько могла, смотрела ему вслед, не чувствуя, как догорающая сигарета начинает обжигать пальцы.

Едва очнувшись от холода и озноба, хозяйка, не чувствуя ни ног, ни реальности, вернулась в свой магазин. За спиной немного со скрипом прикрылась входная дверь. Роза медленно приблизилась в упаковочному столу, поверх которого лежали деньги, убрала их. Нет, уже ни в коем случае не из-за жадности, а просто на автомате.

В ушах будто заложило, перед глазами все плыло. Только одна-единственная роза, красивая и гордая, с большими шипами одиноко продолжала лежать на краю стола, будто человек на самом краю своей жизни.

– Значит, ты лежишь, подружка... – сопела Роза, глядя на цветок.

Еще сильнее хорошо уже знакомый озноб прошелся по ее телу, и она, вскинув голову, устремила вверх взор сквозь стекла павильона.

На там ничего. На нее смотрели только Небеса.

Роза опустила взгляд и свесила голову.

На Небесах по ее душу точно пустота, но здесь... кто-то явно присутствовал. Появился этот кто-то еще тогда, вместе с мужчинами, но уходить с ними не поспешил.

Или не поспешила?..

Более отчетливо скрипнула входная дверь, но шагов посетителей не слышалось.

Лицо Розы отобразило неподдельный страх, граничащий с паникой и надвигающимся ужасом. Она не шевелилась – и не смогла бы, даже очень захотев. Все тело в эту минуту было сковано чем-то непонятным... кем-то неизвестным... но точно прямо за спиной присутствующим. Дыхания не ощущалось, но ледящий поток небесной свежести отчетливо простреливал шею, плечи...

Охваченная нечеловеческим страхом, побелевшая от ужаса хозяйка павильона неожиданно схватила одиноко лежащую на столе розочку и прижала ее к своей груди, желая что-то закричать! Попросить!.. О помощи!.. Или даже о пощаде!

Крупные шипы невероятно болезненно впились в руки. Цветочный продавец сотни раз кололась такими шипами за долгие годы работы, но никогда еще ей не было настолько больно! Никогда и ни разу!

Роза разжала кисти, но цветок не выпадал. В глазах все окончательно померкло, и она услышала эхо собственного стога. Это эхо говорило о том, что стоит она сейчас не в своем стеклянном павильоне, а где-то в глубокой пещере или небесной дали, где если издается звук, то он уже не исчезает, а разносится в пространстве, неведомом и пугающем. В пространстве, куда не дотягивается жизнь человеческая.

Роза уже не понимала, жива ли она, но смогла разобрать голос за спиной – отчетливый, немного на пугающий распев... женский голос, чуть стальной:

– Не смей так пошло и жадно смотреть на моих мужчин. Они не этого достойны.

Тишина, и только леденящий озноб поигрывает где-то позади.

– Прос... прос-тите ме-ня... – только и смогла вымолвить Роза.

Неизвестно, сколько времени прошло, но, став потихоньку приходить в себя, она обнаружила, что вокруг снова светло, день в самом разгаре, на краю стола лежит все та же розочка, которая выпала из рук, и нет никакой боли. Только легкое напоминание в местах проколов от шипов. Легкое, но пугающее.

За спиной стало тепло, и она обернулась.

Дверь прикрыта, и все вокруг как прежде.

Как прежде для любого посетителя или почти для любого, но только не для нее. Или уж тем более не для нее. Роза осмотрелась по сторонам и будто не узнавала ни своего павильона, ни даже саму себя.

В дверях появились очередные покупатели, но хозяйка прийти в чувство пока еще не могла.

• • •

Заключительная часть

Ну вот, как я и обещал, окончен этот небольшой рассказ. Допускаю, дорогой собеседник, что в каких-то деталях, в некоторых моментах вы со мной не согласитесь. И, скорее всего, будете правы. Но вряд ли наши мнения разойдутся в главном. Только вот в чем конкретно, я пока сформулировать не могу – коротко не получается. Попробую это изложить в очередных работах, в исканиях и экспериментах. И мне будет крайне любопытно узнать ваше мнение оттуда, где-нибудь из века двадцать третьего, пятого... тридцатого.

Я искренне верю, что к тому времени мир на нашей земле будет побеждать и процветать, люди не потеряют и не продадут нравственность и мудрость силам темным и злым, а за земным раем будут ревностно наблюдать Небеса и те благородные души, которые на них обитают. Я хочу в это верить! И надеюсь, что вы, дорогой собеседник и читатель, в свое время сами обо всем мне поведаете.

Конец

(Написано 26 января 2016 года)

[Вернуться в начало](#)

© Алексей Павлов «Ревность Небес»
ISBN 978-5-9907646-9-9
Издательство фонда «Сталинград»
Москва 2016

<http://alexey-pavlov.ru>

Литературный сайт **Алексея Павлова**

<http://lit-izdat.ru>

Издательство Фонда "Сталинград"

[Вернуться в начало](#)